

УДК 811.161.1'37
ББК 81.411.2-3

ФОРМА «ICH-ERZÄHLUNG» В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ ЖУРНАЛА «ОТЧИЙ КРАЙ»)

В.А. Капустина

Предложена интерпретация формы «Ich-Erzählung» как значимой единицы в семантической структуре автобиографического текста, влияющей на его содержательные и стилистические особенности. На примере произведений волгоградских авторов Т. Брыксиной и А. Кима рассматриваются различные формы проявления «Я-рассказа».

Ключевые слова: нарратология, автобиографический текст, автобиографический герой, семантическая структура, автор и повествователь, нарративные структуры, стилистические особенности текста, синтаксические конструкции.

Словосочетание «Ich-Erzählung» в дословном переводе с немецкого языка означает «Я-рассказ». Сущность данного явления невозможно уяснить без разграничения категорий «повествователь», «рассказчик», «автор». В современной науке сложилось множество концепций изучения данных категорий [11; 13; 14], сформировалось исследовательское направление – нарратология, изучающее проявления рассказчика, повествователя, автора в повествовательных, в том числе литературно-художественных текстах.

Один из авторитетных современных исследователей в этой области Юрган Шутте предполагает наличие в любом тексте повествовательной ситуации (Erzählsituation), определяющей отношение между рассказанным и тем, кто рассказывает (Erzähler). «Ich-Erzählung» – одна из форм реализации такой ситуации (Erzählform): «Die Ich-Erzählung baut auf der Identität und der Differenz auf, welche zwischen der Erzählergegenwart und Handlungsgegenwart, d.h. dem erzählenden (erinnerndem) und dem handelnden (erinnerten) Ich besteht. Weil dies so

ist, hat der Ich-Erzähler Personalität, unabhängig davon, wie ausdrücklich er sich im konkreten Text ins Spiel bringt, wie handlungsreich oder handlungsarm die Erzählergegenwart ausgestattet ist. Der Ich-Erzähler ist Teilnehmer der dargestellten Ereignisse und Erzähler zugleich, von ihnen entfernt aber doch mit ihnen verbunden» [17, с. 133] – ««Ich-Erzählung» строится на тождестве и одновременном различии, существующем между наличием рассказчика и его проявлением в тексте, то есть между рассказывающим и действующим “Я”. Из этого следует, что “Я-рассказчик” обязательно персонализирован, независимо от того, как проявляет себя в конкретном тексте, активным или пассивным является его присутствие. Он участник представленных событий и одновременно рассказчик о них, он появляется и устраняется благодаря этим событиям» (перевод наш. – В. К.). Исследователь акцентирует внимание на том, что «Ich-Erzählung» – особая форма организации нарративного текста, значительно влияющая и на его содержательную структуру («Я-рассказчик» – обязательно участник событий, которые осмысляются сквозь призму индивидуализированного сознания), и на языковые особенности текста (прежде всего, это наличие глагольных форм первого лица).

Как замечает В.П. Скобелев, «о формах “Ich-Erzählung” мы говорим в том случае, если

носителем речи является повествователь, близкий к автору (“Антоновские яблоки” Ив. Бунина), или повествователь, выступающий в качестве действующего лица (герой-повествователь), который может быть наделен биографией, более или менее сложной судьбой, не совпадающей с судьбой биографического автора, но в конечном счете сближающийся с автором как организатором текста или даже сливающийся с ним» [8, с. 17–18].

В последнее время в научной литературе все реже используется термин «повествование от первого или третьего лица», поскольку, как отмечают исследователи, «в повествовании от третьего лица может выражать себя и всезнающий автор, и анонимный рассказчик. Первое лицо может принадлежать и непосредственно писателю, и конкретному рассказчику, и условному повествователю, в каждом из этих случаев отличаясь разной мерой определенности и разными возможностями» [6, с. 5].

В любом художественном тексте, по мнению Н.Д. Тамарченко, наличествует «событие рассказывания» – особое общение между субъектом высказывания и его адресатом-читателем. С этой точки зрения исследователь рассматривает «Я-повествование» и «Он-повествование» как формы двух вариантов освещения событий: «1) дистанцированное изображение безличным субъектом персонажа, именуемого в третьем лице (“Er-Erzählung”), 2) высказывания о событиях от первого лица, как правило участника событий (“Ich-Erzählung”)» [11, с. 235–236]. Сущность теории повествования значительно сужается, если принимать во внимание столь простое противопоставление форм «Er-Erzählung» и «Ich-Erzählung». Для более плодотворного толкования этих явлений следует строго разграничивать понятия «повествователь» и «рассказчик». Как считает В.Е. Хализев, «персонализированных повествователей, высказывающихся от собственного, “первого” лица, естественно называть рассказчиками» [1, с. 236]. По мнению Н.Д. Тамарченко, рассказчик находится внутри изображенной действительности, тогда как повествователь – вне изображенного времени и пространства.

С учетом мнений исследователей можно определить, что «Ich-Erzähler» – это имен-

но рассказчик, а форму «Ich-Erzählung» можно определить как особую систему приемов и способов построения текста, в центре которого личность, размышляющая о себе. Иллюстрацией такого разграничения может быть глава «Максим Максимыч» из повести М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Наличие «Я-рассказчика» неоспоримо, но об «Ich-Erzählung» здесь говорить вряд ли возможно, потому что объектом раздумий и размышлений героя является не он сам, а некий Григорий Печорин. Автор, а затем и Максим Максимыч выступают в роли информаторов о судьбе третьего лица.

Семантическая сущность форм «Ich-Erzählung» ярче всего проявляется в автобиографических текстах, где «Я-рассказ» служит организующим началом, определяющим и содержательные, и структурно-формальные, и стилистические особенности текста. В современных литературно-лингвистических концепциях классическое понимание структуры художественного текста как особой организации элементов литературного произведения значительно обогащается. Одной из таких концепций является теория «точек зрения». Ответ на вопрос, с какой точки зрения организовано повествование (и кто является носителем этой точки зрения) расширяет представление и о структуре текста. Нам наиболее близка позиция Б.А. Успенского, который рассматривает произведение с точки зрения идеологии, психологии и пространственно-временной характеристики [12].

Структура автобиографического текста (внутренняя композиция) строится достаточно «прозрачно» с точки зрения *идеологии*. Так как рассказ ведется от первого лица, от имени автобиографического героя, то и «идеологом» выступает он сам. Такую внутреннюю композицию Б.А. Успенский назвал «легкой». Целесообразно говорить о «моноличности» автобиографии, которая, по мнению А.Я. Эсалнек, «может и должна ассоциироваться с определенной позицией, идеологической тенденцией позитивно утверждающего характера» [16, с. 33]. Идеологическая направленность задает основное содержание автобиографии: «Я-рассказ» нацелен на раскрытие психологии отдельной личности (ее глубинных основ, душевной организации).

Все это объясняет активное использование в тексте приемов *психологического* изображения действительности. А.Б. Есин определяет психологизм как «достаточно полное, подробное и глубокое изображение чувств, мыслей и переживаний *вымышленной личности* (литературного персонажа) с помощью специфических средств художественной литературы» [5, с. 18]. Перечисляет основные задачи психологической прозы Л.Я. Гинзбург – «раскрыть противоречия душевной жизни, показать зигзагообразное развитие состояний души» [2, с. 287]. Основной конфликт автобиографических произведений, перенесенный во внутреннюю сферу, достаточно часто приобретает субстанциальную форму (становится неразрешимым). Его можно определить как противостояние героя и общества, характера и обстоятельств.

Форма «Ich-Erzählung» в автобиографическом тексте влияет и на систему персонажей. Они важны постольку, поскольку раскрывают основные черты личности автобиографической. Потому они не всегда психологически выверены, художественно точны, могут появляться эпизодически или отсутствовать вовсе. В связи с этим можно упомянуть о мотивах «зеркала», «двойничества». Персонажи могут появляться лишь для того, чтобы подчеркнуть или, наоборот, оттенить какие-либо черты автобиографической личности.

С точки зрения психологии (по Б.А. Успенскому) автобиография является «субъективным описанием». Субъективность (наличие «Я-субъекта») – основной признак автобиографии, который во многом определяет ее жанровые особенности. В классической теории жанров, представленной в работах М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, главными жанрообразующими факторами называются философско-эстетические *категории времени и пространства*. Форма «Ich-Erzählung» влияет на проявление этих категорий. Хронотоп автобиографического текста – хроникально-бытовой, максимально приближенный к действительности. Время в таких произведениях дискретно, фрагментарно: автор может упоминать прошлое и будущее в одном контексте, делать так называемые временные мостики (когда воспоминания сливаются с дей-

ствительностью), наблюдается тенденция «защикливания» на определенном эпизоде жизни героя, принципиально важном для его внутреннего мира.

Форма «Ich-Erzählung» оказывает влияние и на сюжетную структуру автобиографических текстов. Сюжет в подобных произведениях может быть как динамичным, так и адинамичным (мы воспользовались типологией сюжетов А.Б. Есина [4]). И в том, и в другом случае событийная канва нужна, чтобы раскрыть своеобразие, неповторимость героя, выявить, какие факты и ситуации повлияли на его душевную организацию. Яркий пример первого типа – трилогия М. Горького (А. Пешкова) «Детство», «В людях», «Мои университеты», где жизненные коллизии постоянно сменяют друг друга. Последовательность событий в сюжете и фабуле в автобиографических произведениях с динамичным сюжетом совпадают.

Об адинамичном сюжете можно говорить, когда автор более сосредоточен на внутреннем состоянии героя, нежели на событийном ряде. В этом случае основную часть произведения составляют внутренние монологи, размышления, лирические отступления – то есть все то, что нередко именуют внесюжетными элементами. Однако в ткани автобиографического текста сложно применять такое разграничение: сюжетом становится сам ход мыслей и чувств писателя, его эмоциональная реакция, наблюдения и воспоминания, произведение получает «статус» бесфабульного.

Разумеется, семантическая наполненность форм «Ich-Erzählung» специфически преломляется в каждом отдельно взятом произведении, во многом определяется индивидуальной манерой письма того или иного автора. Рассмотрим особенности автобиографических повестей Т. Брыксиной и А. Кима, опубликованных в журнале «Отчий край», с точки зрения проявления в них форм «Я-рассказа».

Т. Брыксина – известный литературный деятель, поэт, автор многочисленных сборников стихотворений. Постоянная работа с поэтическими приемами оказала значительное влияние на формально-содержательные особенности ее автобиографических повестей. В одном из интервью Т. Брыксина отмечала, что для нее в произведении важна прежде

всего интонация. Стилистические особенности прозы Т. Брыксиной объясняются «поэтической интонацией», что проявляется в особой эмоциональности, пейзажности (активном использовании стилистических фигур, тропов), наличии лирических отступлений. Ее поэзии (и, как следствие – прозе) присущи искренность, душевность, честность, безграничный оптимизм, откровенность, открытость [3; 7]. Автобиографическую повесть Т. Брыксиной «Трава под снегом»¹ можно отнести к лирической прозе – «особой жанровой разновидностью, нацеленной прежде всего на выражение эмоционального состояния персонажей, потому лирика и эпос тесно переплетены» [10, с. 196].

Смысловый центр произведения – судьба автобиографической героини Татьяны. Сюжетно-событийная канва очень насыщена: повествование начинается с «корней» – детства и отрочества и далее – юность, зрелость. О. Шестинский в рецензии на книгу пишет, что «содержание донельзя простое. Захватывает в ней не сюжет, а разворачивающаяся дорога жизни, по которой идет девочка-подросток, и обласканная и обиженная одновременно. У девочки умерла мать, и ее нравственное созревание, ищущее и наивное, трагически связано с этой безвозвратной потерей» [15, с. 57]. Для повестей Т. Брыксиной важна внутренняя логика событий, причинно-следственные связи, зависящие от внутреннего мироощущения автора. Субъективно-важными событиями для героини Татьяны явились первые влюбленности, танцы, школьный бал.

Динамичный тип сюжета и наличие множества персонажей помогают раскрыть внутренний мир автобиографической героини. На становление характера, разумеется, повлияли люди, окружающие ее. В детстве – многочисленная родня, в юности – подруги, ребята, с которыми училась, в старшем возрасте – коллеги по работе, собственная семья. Главными выступают, конечно же, отец (лишенная матери, она постоянно конфликтует с его новыми избранницами) и бабушка, привившая патриархально-романтические взгляды на жизнь. Именно наивность, искренность, пережитые у бабушки, ведут нередко к душевным мукам, неприятию многих жизненных ситуа-

ций, трудностям в общении с людьми. Татьяна, оставаясь романтиком в душе, «не закрывает глаза на неустроенность жизни, на ее нищенскую скудность, на ее чиновничье безразличие к нуждам “малых сил”» [15, с. 58]. Поэтическая интонация повестей Т. Брыксиной выявляется в наличии пейзажных зарисовок, лирических отступлений². Как отмечает О. Шестинский: «Много, много чудесных описаний в книге, заставляющих читателя очаровываться ликами земли, такими разными и такими манящими» [там же].

Повесть А. Кима «Мое прошлое»³ является примером автобиографии, где субъективность формы «Ich-Erzählung» доведена до абсолюта. В произведении на первом месте – автобиографический герой, все остальные персонажи словно «выброшены» из повествования: они лишь только называются в связи с каким-то эпизодом жизни, но совершенно не имеют ни намека на самобытность характера. Для А. Кима принципиально важной была задача показать все те моменты и повороты судьбы, которые способствовали становлению творческой личности. Психологизм повести определяет и ее форму – она не что иное, как «большой» внутренний монолог: характерно наличие алогичных, ассоциативных связей, которые в конечном итоге «разрушают» фабульно-событийное единство. Узловыми «опорами» содержания становятся события, которые так или иначе повлияли на решение героя стать писателем. Истоки своего дара автор видит в том числе и в принадлежности к корейской нации, поэтому временные рамки повести очень расширены. Она начинается с рассказа о дедушке Ким Ги-Ене, известном военном чиновнике XV в., а заканчивается нашим временем и в общей сложности охватывает несколько веков.

Объем фабульной канвы по сравнению с внесюжетными элементами не будет занимать и трети произведения. Ее, конечно, можно выстроить: краткий экскурс о происхождении рода, судьба родителей, детство – в постоянных переселениях (Казахстан, Дальний Восток, Хабаровск), тяжелая болезнь, унесшая много сил и времени, работа строителем, учеба на художника, служба в армии, женитьба, рождение детей и, наконец, карьера профессионального писателя. Но все эти события даны с точки зре-

ния их влияния на рождение и формирование таланта. А. Ким много размышляет о целях и задачах своего творчества, стараясь быть в этом вопросе предельно откровенным⁴.

«Монологичность» повести А. Кима проявляется не только в полном отсутствии диалогов, но и в особом звучании социально-философской проблематики. Как отмечает А.И. Смирнова: «Это повесть о родине, о целой эпохе российской жизни прошлого века, длиною в одну человеческую жизнь, о техническом сдвиге истории, на разломе которой оказалась эта жизнь» [9, с. 30]. Социально-философские размышления писателя также основываются на законах формы «Ich-Erzählung». А. Ким выражает *собственное* отношение к властям, идеологам, историческим событиям, не претендуя на какие-либо глобальные выводы и обобщения, что позволяет говорить об открытости, смелости позиции писателя⁵.

Таким образом, форма «Ich-Erzählung» является основной семантической единицей автобиографического текста. Она влияет и на содержание произведения («Я-рассказ» есть рассказ о самом себе, предполагающий откровенность, искренность, требующий психологической достоверности), и на его форму (определяет логику композиционного построения, систему персонажей и т. п.). В плане языковых особенностей текста форма «Ich-Erzählung» проявляется не только в наличии личного местоимения «я» и глагольных форм первого лица, но и во многом отражается на синтаксических особенностях предложений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Повести под общим названием «Трава под снегом» («Трава под снегом», «В городе светлых начал», «Выбери меня», «Формула счастья») публиковались в «Отчем крае» с небольшими интервалами с 1996 по 2002 год.

² Например, Т. Брыксина размышляет о малой родине: «Кажется, нет конца и края полям и переселкам. От хвойного леса кружится голова, по обочинам полынок мешается с цветущим разноцветьем... Инокровка – это колыбель моего сердца. Моя Воронка, берега которой со всеми своими излучками, отмелями, бродами и омутами... знакомыми мне до самой мелочи... Родина! Что тут попишешь...» (Отчий край. 1996. № 3. С. 14).

³ Опубликована в «Отчем крае» в 2002 (№ 4) – 2003 (№ 1–3).

⁴ А. Ким отчетливо осознает, что его стремление писать – превыше всего: «Мой друг Валерий Костионов в то время уехал из Москвы на заработки в далекую сибирскую страну Туву. Приехав оттуда зимой семидесятого года по каким-то делам в Министерство строительства, он зашел к нам и увидел, до какой жизни я дошел, сидя на шее у своей жены, которая зарабатывала в ателье портняжной совсем крохи, и мы иногда почти голодали. Я же не обращал ни на что внимания, учился и писал про жаркий воздух и текучее волнистое море Сальских степей...» (Отчий край. 2003. № 2. С. 117–118).

⁵ Например, о всевозрастающем отчуждении в отношениях между людьми: «Это чувство не может быть объяснено известным с древних времен положением: человек человеку – волк. Потому что, видя в другом человеке зверя, мы полагаем в нем все же живое существо. Абсолютное чувство отчуждения родилось у людей нашего века при подавлении их тоталитарностью. И оно может быть пояснимо другой формулой: человек человеку – никто» (Отчий край. 2003. № 1. С. 103).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Введение в литературоведение / под ред. Г. Н. Поспелова. – М. : Высш. шк., 1988. – 320 с.
2. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – Л. : Сов. писатель, 1985. – 443 с.
3. Бек, Т. Рецензия на книгу «У огня» / Т. Бек // Литературное обозрение. – 1982. – № 9. – С. 79.
4. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения / А. Б. Есин. – М. : Наука, 2007. – 247 с.
5. Есин, А. Б. Психологизм русской классической литературы / А. Б. Есин. – М. : Просвещение, 1988. – 176 с.
6. Кожевникова, Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. / Н. А. Кожевникова. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 189 с.
7. Кузьмина, Т. Душа по ветру / Т. Кузьмина // Отчий край. – 1997. – № 1. – С. 219.
8. Скобелев, В. П. Поэтика рассказа / В. П. Скобелев. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1982. – 155 с.
9. Смирнова, А. И. Предисловие к публикации повести А. Кима «Мое прошлое» / А. И. Смирнова // Отчий край. – 2002. – № 4. – С. 30.
10. Современный словарь-справочник по литературе / сост. и науч. ред. С. И. Кормилов. – М. : Олимп, 2000. – 699 с.
11. Тмарченко, Н. Д. Теория литературы. В 2 т. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. – М. : Академия, 2004. – 512 с.

12. Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. – СПб. : Азбука, 2000. – 348 с.

13. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – 4-е изд. – М. : Высш. шк., 2006. – 405 с.

14. Чернец, Л. В. Введение в литературоведение / Л. В. Чернец. – М. : Высш. шк., 2005. – 608 с.

15. Шестинский, О. Свет от книги идет! / О. Шестинский // Отчий край. – 1999. – № 2. – С. 57–58.

16. Эсалнек, А. Я. Типология романа / А. Я. Эсалнек. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 156 с.

17. Schutte, J. Einführung in die Literaturinterpretation / J. Schutte. – Stuttgart : Metzler, 1997. – 230 s.

THE FORM «ICH-ERZÄHLUNG» IN SEMANTIC STRUCTURE OF THE AUTOBIOGRAPHICAL TEXT (ON THE PROSE OF «OTCHI KRAI» MAGAZINE)

V.A. Kapustina

The interpretation of the form «Ich-Erzählung» as an important unit in the semantic structure of the autobiographical text is offered. Its influence on the substantial and structural features of the text is defined. On an example of T. Bryksina's and A. Kim's works various forms of «Ich-Erzählung» manifestation are considered.

Key words: *theory of narration, autobiographical text, autobiographical character, semantic structure, author and storyteller, narrative structures, stylistic features of the text, syntactic constructions.*